

Почти каждый артист пытается сегодня поразить публику костюмным шоу и спецэффектами, а Валерий Меладзе просто выходит на сцену в смокинге и поет песни своего брата. Тем не менее именно он из года в год получает премии телеканалов в номинации «Лучший российский певец».

– Валерий, когда вы последний раз были в Грузии? - спрашивает "Антенна"

– Недавно. Друг, кстати, российский бизнесмен, открывал в моем родном городе Батуми гостиницу, я ездил туда вместе с ним.

– Были случаи, когда вы чувствовали какое-то иное к себе отношение только из-за того, что вы грузин? Правда, что в украинском городе Николаеве вас сбратом даже отказывались селить в общежитие?

– Да нет, этого не было. Сложности с вселением в общежитие возникли, но больше повинны в этом мои земляки. Они не всегда достойно себя вели. А многими приучили администраторов общежития к подаркам. Грузины умеют красиво их вручать, и персонал общежития привык: раз человек с Кавказа – надо ждать от него подати. Но эти факты ничуть не повлияли на мое отношение к Украине. Там я встретил свою будущую жену Ирину, там родилась дочь Инга. И первые наши с братом Костей песни тоже были написаны там. Я хорошо понимаю украинский язык – из западноукраинское наречие, и центральное. Мне вообще легко даются языки. В любой стране, куда приезжаю, выучиваю десять опорных слов и, когда произношу их сулыбкой, тут же нахожу понимание.

– Тем не менее я знаю, что продюсер Евгений Фридлянд настаивал на том, чтобы вы сменили

фамилию?

– Как продюсер, он был по-своему прав, когда предлагал мне взять сценический псевдоним Лисов или Лисовский (корень слова Меладзе на русский переводится, как «лиса»). Ведь его задача – сделать путь артиста к славе максимально легким и дешевым, а в тот момент – в начале 90-х – отношения между Россией и Грузией стали ухудшаться. Вот у Фридлянда и возникли сомнения в успехе артиста с фамилией Меладзе.

– Но вам свою фамилию отстоять удалось. Как?

– Я просто отказался ее менять. Сказал: эта фамилия дана мне от рождения, я не могу от нее отречься, давай попробуем обойтись без этого. Мы обошлись. И вот уже три года подряд я, грузин, получаю премию канала МузТВ как «лучший российский певец».

– Существует какое-то семейное предание, объясняющее значение вашей фамилии, ваши «лисы» корни?

– Наша фамилия не аристократическая, не знаменитая, и преданий, как таковых, нет. Но известно, что лиса в народном эпосе – всегда животное хитрое, изворотливое. Не знаю, может, фамилия дана была нашим предкам за то, что они были наделены какими-то подобными качествами. Но точно могу сказать, ни деду, ни отцу, ни мне эти качества не передались. Мы люди бесхитростные и прямолинейные.

– А вас обманывают часто?

– Всех обманывают – и в крупном, и по мелочи. Иногда даже удивляешься, когда этого не происходит. Вот недавно в Москве я сижу в машине, ко мне подходят цыганки, целая толпа, и говорят: «Давай, дорогой, погадаем». Но тут появляются другие цыганки и укоряют первых: «Перестаньте, этого человека нельзя обманывать!» Уж не знаю, то ли эти женщины были благодарны мне за мою старую песню про цыганку Сэру, то ли просто они меня узнали. В любом случае мне было приятно. И приятен был не сам факт узнавания, а то, что у этих людей есть свой кодекс чести. А вообще всегда надо помнить: если тебя обманывают – значит, сам ты где-то зазевался и в чем-то виноват.

– Ваше полное имя – Валериан. Почему вы предпочли ему более распространенное – Валерий.

– Да я никогда в жизни не был Валерианом, с детства – только Валера. Родители называли меня в честь Валерия Быковского – космонавта, который незадолго до моего рождения полетел в космос. Но в загсе сидела какая-то бестолковая женщина, и она сказала отцу: «Нет такого полного имени – Валерий, есть – Валериан». Была бы рядом мама, она бы на своем настояла, а папа махнул рукой: пишите Валериан. И в результате, когда я поступал в институт, половина документов у меня была на Валерию, половина на Валериана. Возникли проблемы.

– Почему вы стали поступать в кораблестроительный? Случайно?

– К технике я тяготел всегда. Правда, больше мечтал об авиации и авиастроении. Но случилось так, что я собирался в армию и опоздал с поступлением в эти вузы. Потом оказалось, что план по нашему округу военкоматом уже перевыполнен, служить мне не надо. И я отправился в Николаев, где уже учился в кораблестроительном старший брат.

– Ваш романтический образ на сцене, особенно в первые годы, в период программы «Последний романтик», связан с кораблями? Или для вас корабль – это только инженерное сооружение?

– Скорее последнее. У меня и родители – инженеры, как тогда говорили, «технари». Но в то же время у нас в семье все пели. Мама и папа выступали в заводской самодеятельности. Они же заставили меня пойти в музыкальную школу, в класс фортепьяно. И я очень благодарен им за этот выбор, ведь Костя тогда играл на скрипке.

– Песню «Сэра» вы в ранних концертах предваряли словами: «Я сейчас могу, не стесняясь, признаться, что влюблялся в жизни много раз». В то же время вас неназовешь непостоянным: ваш студенческий брак продолжается много лет.

– Я влюблялся в юности, когда было больше свободного времени, когда в силу возраста нравился сам процесс влюбления. А сейчас голова занята делами, я настолько самовыражаюсь в музыке, что ни о каких влюбленностях я просто не думаю.

– В общении вы очень вежливый и сдержанный человек. Но есть то, что может вас вывести из себя?

– Ненавижу хамства и панибратства. Бывает, например, что меня просят сфотографироваться – я не отказываю. И вдруг человек кладет мне руку на плечо. Вот это меня начинает бесить. Я же не стойка и не подставка, сбрасываю руку и посылаю этого человека ко всем чертям.

– *Посылаете вежливо?*

– Нет, могу сказать и достаточно жестко.

– *Миф о грузинском мужчине таков: он умеет произносить тосты, любит дарить дорогие подарки... Вы соответствуете этому образу?*

– Обожаю дарить, но сам дорогих подарков никогда не принимаю – они слишком кому-то обязывают. А тосты произношу обязательно, причем ценю те, которые рождаются сиюминутно.

– *Если бы мы сейчас поднимали бокалы вина, какой тост вы бы произнесли?*

– Ну, для начала надо оглядеться – мы сидим за столиком, вокруг все красиво, значит, можно выпить за человека, который эту красоту создал, потом – за то, что мы здесь оказались, за то, чтобы вернуться сюда еще. И далее все это обрастает новыми деталями. Или, например, мы пьем итальянскую граппу – тогда бы я вспомнил свою бабушку, так как она делала чачу, виноградную водку термоядерной крепости, которая по вкусу похожа на граппу.

– *Вы не только артист, но и бизнесмен. У вас есть клуб, банк, строительная фирма. Как вы со всем этим справляетесь?*

– В банке я просто член совета директоров, это скорее почетная должность. Что касается клуба, то это больше наша общая с Макаревичем и Наминым квартира, куда приходят наши друзья. Он не приносит каких-то больших денег, но хорошо, что он есть. Строительство – самая сложная сфера, но именно в ней есть шанс что-то заработать. Правда, и в нее я пока только вкладываю. Единственный бизнес сегодня, который дает мне средства к существованию, – это пение. Но это не тот бизнес, который я могу кому-то оставить. Я уйду со сцены – все кончится. И сейчас я пытаюсь наладить такое дело, которое будет работать и без меня.

– У вас сложился прочный творческий тандем со старшим братом Константином. Он – автор почти всех ваших песен. Но бывает так, что вы хотите что-то поменять в его музыке или в стихах?

– Бывает. Иногда Костя соглашается, иногда – нет. Например, в песне «Салют, Вера!» сначала опорная строчка звучала как «Привет, Вера!». Мне это было непонятно, я хотел, чтобы заменили оба слова. Но когда Костя вместо «привет» поставил «салют», получилось практически по-французски. Даже ударение в имени Вера на последний слог тоже оказалось оправданным.

– Какое место в вашем бизнесе занимают сестра Лиана и жена Ирина?

– Ирина дает мне советы, как одеваться, как выглядеть. Но вообще быть женой – уже серьезное дело. Вести хозяйство, где трое детей, двое водителей, домашний персонал – это почти то же самое, что руководить небольшой фирмой. А к Лиане мы с Костей обращаемся за помощью, как к финансисту. Кроме того, она занимается продюсированием группы Uma2rman.

– Какие свои качества вы хотели бы передать дочерям, а какие – нет?

– Я очень люблю жизнь, и я очень неугомонный. Иногда моя неугомонность проявляется как некая суетность. Я хотел бы, чтобы мои дети любили жизнь, но в то же время были более спокойными.

- Дочери похожи друг на друга?

– Они скорее друг друга дополняют. Старшая Инга – очень спокойная. Поначалу ее жизненный темп меня даже раздражал, а теперь вызывает восхищение. Как бы мы ни пытались ее подталкивать, торопить – у нее свой ритм, и она живет в этом ритме.

– Не огорчает, что у вас три дочери и нет наследника сына?

– А что, дочери – отходы генетического производства? Я обожаю своих девочек. И не знаю, относился ли бы я так же нежно к сыну. Конечно, я старался бы его воспитывать более жестко, чтобы он стал мужчиной, но растить специально «наследника»... Что наследовать-то? Я столько

не заработал, чтобы говорить о наследстве. Да и девочкам нужно наследство, приданое. И если я что-то оставлю дочерям, уверен: они смогут вести бизнес не хуже мужчин.

– *Расскажите о роли, которую сыграла в вашей жизни Алла Пугачева.*

– Алла Борисовна в свое время пригласила меня на Рождественские встречи. Это было просто уму непостижимо! Она выбрала нашу кассету из кучи других. И мы приехали, на третьей полке вагона, грязные, пыльные, и вышли на сцену вместе всеми тогдашними звездами.

– *Ваши соотечественники не обижаются, что вы поете на русском языке и почти никогда – на грузинском?*

– Мне все равно, кто что думает по этому поводу. Мне кажется, они должны гордиться тем, что я на своем уровне делаю так, чтобы отношения между нашими народами становились лучше. Я благодарен россиянам за то, что они, несмотря на все политические дразги, прекрасно относятся к грузинам, считают, что те хорошие, добродушные, красивые, щедрые люди, немножко, может, простоватые, зато очень душевные. Мне бы очень хотелось, чтобы этот имидж не испортился. Жаль, что молодежь в Грузии перестала учить русский язык. Будет ужасно, если дети русские и грузинские в следующем поколении станут общаться между собой на английском языке.

– *А ваши дочери говорят по-грузински?*

– Нет, их никому было учить языку. Я старался воспитывать их в грузинских традициях, да и то... Они у меня космополиты. Старшая Инга сейчас учится в Англии – вместе с китайцами, арабами, испанцами. Они дружат, и если каждому из них по возвращении домой никто не объяснит: с этим – дружи, а с этим – нет, они вряд ли вообще вспомнят, что отличаются друг от друга по цвету кожи или национальности.